

Екатерина 2 Великая

Окружающий мир для 4 классов

Правительство Екатерины Алексеевной

Екатерина II Алексеевна Великая
(урождённая София Августа Фредерика
Ангальт-Цербстская, нем. *Sophie
Auguste Friederike von
Anhalt-Zerbst-Dornburg*, в
православии Екатерина Алексеевна; 21
апреля (2 мая) 1729, Штеттин, Пруссия
— 6 (17) ноября 1796, Зимний дворец,
Петербург) — императрица
всероссийская с 1762 по 1796 годы.

Как встала на престол

Дочь князя Ангальт-Цербстского, Екатерина пришла к власти в ходе дворцового переворота, свергнувшего с престола её непопулярного мужа Петра III.

Екатерининская эпоха ознаменовалась максимальным закрепощением крестьян и всесторонним расширением привилегий дворянства.

При Екатерине Великой границы Российской империи были значительно раздвинуты на запад (разделы Речи Посполитой) и на юг (присоединение Новороссии).

Система государственного управления при Екатерине Второй впервые со времени Петра I была реформирована.

Пётр фёдорович

В возрасте 15 лет Петр Ульрих прибыл в Россию. Здесь он формально принял православную веру и стал великим князем Петром Федоровичем. Даже Елизавета, не отличавшаяся своим образованием, была поражена скудными познаниями племянника. Поэтому его снова начали учить, теперь уже на русский и православный манер. Для этой цели воспитателем Петра Федоровича был определен профессор “элоквенции и поэзии”, заведующий художественным департаментом Академии наук Якоб Штелин. Но все старания преподавателя не дали каких-либо положительных результатов. Петр Федорович проводил время в играх с солдатиками, разводил своих игрушечных воинов на плац-парады и по караулам; рано пристрастился он к вину и немецкому пиву. Чтобы образумить наследника, Елизавета решила женить его.

Женидьба екатерины

В вопросе выбора невесты для великого князя мнения русских придворных разделились. Бестужев со своими сторонниками хотел женить Петра Федоровича на принцессе Саксонской, дочери короля Августа. Обер-гофмаршал Крюммер, Лесток и другие друзья французского посла Щетарди прочили в жены русскому наследнику одну из дочерей французского короля. Но Елизавета отвергла эти варианты и выбрала для своего племянника особу не столь знатную и богатую – принцессу Ангальт-Цербстскую, родившуюся в 1729 г. и нареченную в честь бабушек Софией Августой Фредерикой. А родители называли ее просто Фикс. Ее мать Иоганна Елизавета Голштин-Готторпская в 1727 г. 15-летней девицей была выдана за 42-летнего генерал-майора Христиана Августа Ангальт-Цербстского. Он был командиром 8-го Ангальт-Цербстского полка в городе Штеттине (Померания). Летом 1742 г. Фридрих 2 назначил его губернатором Штеттина и пожаловал чином генерал-лейтенанта. Несколько позже Христиан стал герцогом и соправителем Цербста.

Первого января 1744 г. герцогиня Иоганна Елизавета Фанте получили письмо из Петербурга. Оно было адресовано им Крюммером от имени императрицы Елизаветы I, содержало ее высочайшее приглашение приехать в Россию. Сватовство русского двора имело для Пруссии важное юридическое значение, поэтому ее посол в Петербурге Лардефельд своевременно информировал своего короля о намерениях Елизаветы. Фридрих 2 приветствовал, конечно, предстоящий брак Фике с наследником русского престола, надеясь в будущем в лице “молодого двора” иметь свою агентуру в Петербурге. Он пожелал лично побеседовать с невестой, пригласил ее с матерью в Берлин на приватный обед, во время которого убедился, что 15-летняя Фикс заметно умнее своей матери.

После свидания с королем герцогиня с дочерью под именем графини Рейнбек отправилась в далекую, занесенную снегом Россию; 5 февраля они добрались до Митавы (Елгавы), потом на их пути были Рига, Петербург, и, наконец, вечером 9 февраля они прибыли в Москву в Анненгофский дворец, в котором в те дни временно находился двор Елизаветы. С этого вечера и началась новая страница в жизни до того мало кому известной девицы Фикс из немецкого города Штеттина.

В противоположность своему будущему супругу Фикс с первых же дней пребывания в России с завидной настойчивостью и редким прилежанием взялась за изучение русского языка и русских обычаев. С помощью адъюнкта и переводчика Академии наук Василия Ададунова она очень быстро добилась заметных успехов. Уже в конце июня в церкви во время своего обращения в православную веру она четко произнесла свое исповедание на чистом русском языке. Чем очень удивила всех присутствующих. Императрица даже прослезилась. Другая задача, которую вполне сознательно решала в то время юная немка, состояла в том, чтобы понравиться и великому князю Петру Федоровичу, и императрице Елизавете, и всем русским людям.

Позже Екатерина II вспоминала: “... поистине я ничем не пренебрегала, чтобы достичь этого: угодливости покорность, уважение, желание нравиться, желание поступать как следует, искренняя привязанность, все с моей стороны постоянно к тому было употребляемо с 1744 по 1761 г.”.

Приняв православие 28 июня 1744 г., Фике на другой день была обручена с великим князем Петром Федоровичем. После этого она получила титул великой княгини и новое имя – Екатерина Алексеевна.

В декабре 1741 г. по дороге из Москвы в Петербург Петр Федорович заболел оспой и пролежал тяжелобольным в Хотилове до февраля. Оспа обезобразила его лицо. Он заметно вырос, но интеллект его оставался на прежнем уровне, да и ребяческие забавы тоже.

Наконец наступил самый важный для Екатерины Алексеевны день – день свадьбы ее с Петром Федоровичем. Она состоялась 21 августа в столице. По русскому обычаю было все: и богатый наряд невесты с драгоценными украшениями, и торжественная служба в Казанской церкви, и парадный обед в галерее Зимнего дворца, и роскошный бал.

Замужество Екатерины мало назвать неудачным или несчастливым – оно было для нее, как для женщины, унижительным и оскорбительным. В первую брачную ночь, Петр уклонился от супружеских обязанностей, последующие были такими же. Позже Екатерина свидетельствовала: “... и в этом положении дело оставалось в течение девяти лет без малейшего изменения”.

До свадьбы Екатерина на что-то еще надеялась. О своем отношении к Петру-жениху она писала: "... не могу сказать, чтобы он мне нравился или не нравился; я умела только повиноваться. Дело матери было выдать меня замуж. Но, но правде, я думаю, что русская корона больше мне нравилась, нежели его особа. Ему было тогда 16 лет... он говорил со мной об игрушках и солдатах, которыми был занят с утра до вечера. Я слушала его из вежливости и в угоду ему... но никогда мы не говорили между собою на языке любви: не мне было начинать этот разговор..."

Отношения между молодыми супругами не сложились. Екатерина поняла окончательно, что ее муж всегда будет для нее чужим человеком. И думала она о нем теперь уже по-другому: “... у меня явилась жестокая для него мысль в самые первые дни моего замужества. Я сказала себе: если ты полюбишь этого человека, ты будешь несчастнейшим созданием на земле... этот человек на тебя почти не смотрит, он говорит только о куклах и обращает больше внимания на всякую другую женщину, чем на тебя; ты слишком горда, чтобы поднять шум из-за этого, следовательно... думайте о самой себе, сударыня” Не каждая женщина в этой затхлой атмосфере придворных интриг могла подняться выше окружающем ее среды, всегда вести себя внешне достойно и думать только о самой себе, о той пока совершенно неясной перспективе, которая ожидала ее в будущем. И только сочетание незаурядного ума, не по годам сильной воли, немалой храбрости и, конечно, хитрости, лицемерия, неограниченного честолюбия и тщеславия помогло Екатерине в течение 18 лет вести скрытую борьбу за свое место при русском дворе и добиться, в конце концов, воцеленной короны императрицы.

После свадьбы мать Екатерины Алексеевны отбыла из России, и та осталась среди русских совершенно одинокой. Но это не огорчало ее, они с матерью никогда не были духовно близкими людьми. В довершение мать необдуманно поступками только мешала своей дочери поддерживать незапятнанным доброе имя при дворе. Более всего Екатерина Алексеевна добивалась расположения императрицы. Несмотря на все старания великой княгини всегда и во всем ей нравиться, отношения между ними были неровными, далеко не дружественными, а порой даже напряженными. Правда, Елизавета не скупилась на подарки. Перед обручением Екатерина Алексеевна получила ожерелье стоимостью 150 тыс. руб. На мелкие расходы ей было назначено содержание в 30 тыс. руб.

Императрица очень скоро поняла, что поторопилась с объявлением Петра Федоровича наследником престола. Поведение бездарного племянника часто раздражало ее. Не зная, как выйти из этого несуразного положения, она невольно свое недовольство наследником престола переносила на его жену. Ее обвиняли в равнодушии к мужу, в том, что она не может или не желает по-хорошему повлиять на него, увлечь его своими женскими прелестями. Наконец, императрица требовала от молодых наследника. А его пока не предвиделось.

Не следует забывать, что жизнь “молодого двора” протекала на глазах слуг, которых назначала сама Елизавета. К великой княгине, в частности, в 1746 г. в качестве ее обер-гофмейстерины была приставлена особо преданная императрице статс-дама Мария Семеновна Чоглокова. Эта злая и капризная женщина, по словам Екатерины, шпионила за ней и обо всем докладывала Елизавете. У Петра Федоровича гофмаршала Крюммера императрица тоже заменила князем Василием Аникитичем Репниным, а потом, в 1747 г., – камергером Николаем Наумовичем Чоглоковым, мужем Марии Семеновны. В силу своей ограниченности чета Чоглоковых не могла способствовать сближению великой княгини с императрицей, напротив, вносила в их отношения излишнюю настороженность и недоверие.

И, по-видимому, у Екатерины Алексеевны были основания писать: "... мне казалось, что она (Елизавета. Дег.) всегда была мною недовольна, так как бывало очень редко, что она делала мне честь вступить в разговор; впрочем, хоть и жили мы в одном доме, и наши покои соприкасались как в Зимнем, так и в Летнем дворце, но мы не видели ее по целым месяцам, а часто и более. Мы не смели без зова явиться в ее покои, а нас почти никогда не звали. Нас часто бранили от имени Её Величества за такие пустяки, относительно которых нельзя было и подозревать, что они могут рассердить императрицу. Она для этого посылала к нам не одних Чоглоковых, но часто бывало, что она гоняла к нам горничную, выездного или кого-нибудь в этом роде передать нам не только чрезвычайно неприятные вещи, но даже резкости, равносильные грубейшим оскорблениям. В то же время невозможно было быть более осторожной, нежели я была в глубине души, чтобы не нарушить должное Её Величеству почтение и послушание".

В свои 18 лет Екатерина развилась в красивую и физически крепкую женщину. Лесть многих окружающих начала приятно кружить ей голову. Чтобы дать выход молодой энергии, она много времени проводила на охоте, каталась на лодке и лихо ездил верхом на лошади. Для нее не составляло особого труда целый день провести в седле, при этом она одинаково красиво и крепко сидела в нем и по-английски (как подобает знатной аристократке), и по-татарски (как принято у настоящих кавалеристов). Организм ее хорошо привык к климату Петербурга, и вся она излучала теперь здоровье и женское достоинство, глубоко скрывая при этом свое оскорбленное самолюбие и свои тайные помыслы.

А великий князь продолжал играть в куклы и заниматься с отрядом голштинских солдат, которых он специально вызвал в Россию, чем восстановил против себя всех русских. Этим голштинцев в прусской форме он разместил в Ораниенбауме специальным лагерем, где часто пропадал сам, без конца и особой надобности производя построения и развод караулов. Семейная жизнь по-прежнему мало интересовала его. И потому французский атташе граф д'Аллион докладывал в Версаль: “Великий князь все еще никак не может доказать супруге, что он является мужчиной”.

Елизавете Петровне надоело ждать, когда великий князь станет дееспособным мужем, и она нашла возможным решить проблему наследника без его участия. В этих целях ко двору великой княгини были приставлены два молодых человека – Сергей Салтыков и Лев Нарышкин. Салтыкову было 26 лет, он уже два года состоял в законном браке с одной из придворных фрейлин. По словам Екатерины Алексеевны, “он был прекрасен, как день, и, конечно, никто не мог с ним сравняться... при дворе. У него, не было недостатка ни в уме, ни в том складе познаний, манер и приемов, какой дают большой свет и двор... вообще и по рождению, и по многим другим качествам это был кавалер выдающийся; свои недостатки он умел скрывать; самыми большими из них были склонность к интриге и отсутствие строгих правил...” Позже Екатерина Алексеевна не столь восторженно отзывалась о своем фаворите. Но тогда недостатки Салтыкова, в частности “отсутствие строгих правил”, сиречь его слабость к прекрасному полу, “еще не развернулись на ее глазах”. Лев Нарышкин был в молодой компании всего лишь добрым и веселым балагуром. В задуманной “операции” ему отводилась роль прикрытия.

После пасхи 1752 г. Сергей Салтыков начал упорно добиваться у великой княгини особого к себе внимания. На первых порах Екатерина Алексеевна чувствовала себя не совсем уверенно. Ей, безусловно, нравился этот настойчивый поклонник, однако она не могла не бояться гнева императрицы. Очень скоро ее выручила Чоглокова. Не стесняясь, эта всегда строгая и безупречная дама откровенно заявила Екатерине, что “в интересах престолонаследия” ей дозволено выбирать для себя любого из приставленных кавалеров. Бывшая девица Фикс не стала задавать глупых вопросов. Она сразу поняла, чего от нее ждут, и с открытым сердцем пошла навстречу своей первой любви.

Двор Елизаветы в очередной раз переезжал из Петербурга в Москву 14 декабря 1752 г. В свите императрицы вместе с великим князем находилась и Екатерина Алексеевна. Потом она вспоминала, что отправилась в путь “с кое-какими легкими признаками беременности”, что “ехали быстро и днем и ночью” и что “на последней станции эти признаки исчезли при сильных резях”. Это был ее первый выкидыш.

В начале 1753 г. в Москву приехал Сергей Салтыков. Теперь он уже реже встречался со своей возлюбленной и в оправдание жаловался ей, что у него много врагов, имея при этом в виду сторонников канцлера Бестужева. Тогда Екатерина Алексеевна решила, что их любовь не утратит своих прелестей, если к ней добавить еще и политику. С этой целью через одного из придворных чиновников она обратилась к Бестужеву с просьбой считать ее в числе его верных союзников.

До этого отношения между великой княгиней и канцлером были недружественными. Последний испытывал враждебные чувства к Петру Федоровичу и заодно переносил свою неприязнь на его супругу. Екатерина Алексеевна тоже считала Бестужева главным виновником всех неприятностей и затруднений, которые ей приходилось встречать при дворе. Однако со временем обе стороны поняли, что она обоюдно заинтересованы в дружбе. Проницательный Бестужев давно заметил, насколько осторожно и умно ведет себя великая княгиня в ее непростых взаимоотношениях с мужем и императрицей. Поэтому он охотно принял ее предложение, и скоро действительно они стали союзниками.

После этого встречи молодых влюбленных продолжались. Но великой княгине опять не повезло. Летом 1753 г. во время пребывания двора в Москве она много танцевала на именинах мужа, в результате произошел второй выкидыш. Разумеется, это не могло понравиться императрице. Поэтому, когда следующей весной Елизавете сообщили о новой беременности великой княгини, она посадила ее на карантин.

Екатерина Алексеевна родила 20 сентября 1754 г. сына. Его назвали Павлом и навсегда забрали от матери в покои императрицы. На шестой день младенца окрестили, а великая княгиня была высочайше удостоена вознаграждения в 100 тыс. руб. Интересно, что сначала Петр Федорович не был отмечен вниманием императрицы, поскольку в действительности не имел никакого отношения к рождению ребенка. Однако это ставило его в смешное положение при дворе и давало ему формальный повод выказать свое резкое неудовольствие. Елизавета очень скоро поняла свою ошибку и задним числом приказала выдать племяннику тоже 100 тыс. руб. Что касается Сергея Салтыкова, действительного отца новорожденного, то его присутствие при дворе стало не только излишним, но и весьма нежелательным. Поэтому через 17 дней после появления на свет младенца его послали сначала в Швецию, а потом в Дрезден, где он проводил время в обществе представительниц прекрасного пола, не делая из своих походов секретом для окружающих.

Младенца Павла показали матери только через 15 дней после рождения. Потом императрица снова забрала его в свои апартаменты, где лично заботилась о нем и где, по словам Екатерины, “вокруг него было множество старых дамушек, которые бестолковым уходом, вовсе лишенным здравого смысла, приносили ему несравненно больше телесных и нравственных страданий, нежели пользы”. А сама княгиня, благополучно разрешившаяся от бремени, жила теперь оставлена в одиночестве, без какого-либо участия и внимания. Ей нездоровилось, она “не могла и не хотела никого видеть, потому что была в горе”. И очень много читала.

Чтение было одним из любимых занятий Екатерины Алексеевны - она всегда имела при себе книгу. Сначала ее забавляли легкие романы, но очень скоро она принялась за серьезную литературу, И если верить ее "Запискам", у нее хватило ума и терпения одолеть девяти томную "Историю Германии" . Карра и многотомный "Словарь Бейля"

КОНЕЦ!!!